

Татьяна Мажорина

г. Волгодонск,
Ростовская обл.

К 100-летию со дня рождения А.В. Калинина

«Не отворачивай лица»

*Ни от могилы затравевшей,
Ни от солдатки постаревшей,
Ни от сиротского крыльца
Не отворачивай лица.*

«Не отворачивай лица». Именно с этих, казалось бы, очень простых слов, рефреном проходящих в одном из стихотворений нашего великого донского писателя Анатолия Вениаминовича Калинина, мне хотелось начать непринуждённый и доверительный разговор с читателем. Да-да, я не оговори-лась: речь пойдёт именно о его о стихах:

*Ни от завистливых намёков,
Ни от взыскательных уроков,
Ни от тернового венца
Не отворачивай лица.*

Литературная общественность страны знает его как автора ряда замечательных очерков («Неумирающие корни», «На среднем уровне», «Лунные ночи», «Гранатовый

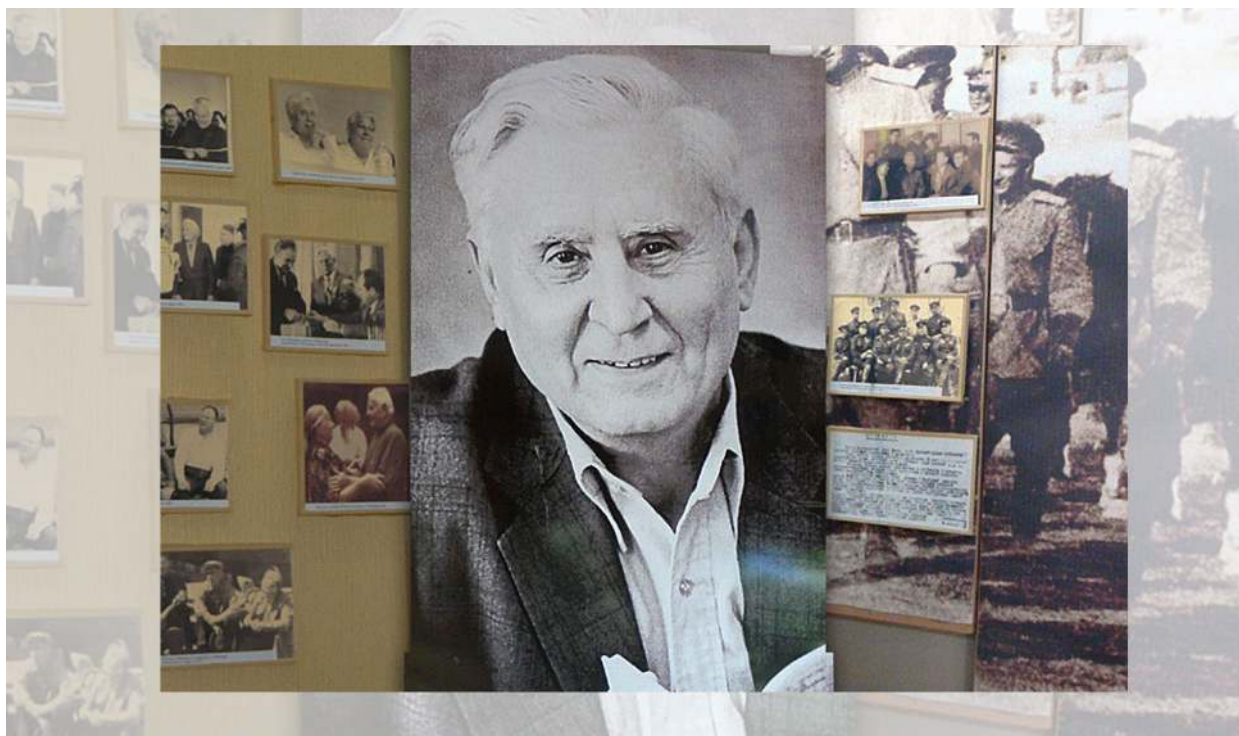
сок», «Вёшенское лето», «Время «Тихого Дона», «Две тетради»), повестей («Гремите, колокола!», «Возврата нет») и романов («Красное знамя», «Суровое поле», «Цыган», «Запретная зона»). Мировую известность автору принесла экранизация романа «Цыган» в 1967 г., а спустя четыре года и повести «Возврата нет».

Как оказалось, Анатолий Вениаминович писал ещё и стихи, причём с пятнадцатилетнего возраста. А узнать мы смогли об этом лишь после смерти писателя в 2008 году, благодаря книге «Есть слов простое сочетание...», выпущенной в Ростове-на-Дону издательством Литературного фонда России «Донской писатель». Полагаю, уместно будет привести несколько слов от издательства: «Настоящий сборник – дань памяти коллектива издательства большому донскому писателю, замечательному человеку и гражданину Анатолию Вениаминовичу Калинину, недавно ушедшему от нас». Низкий поклон и дочери писателя – Наталье Калининой, которая бережно собрала и предоставила редакции воистину бесценное наследие отца.

Вот что пишет сама Наталья Анатольевна по этому поводу: «Мне, горячей поклоннице классической музыки, стихи сызмальства казались её прямым продолжением... Прозу Анатолия Калинина критики называли поэтичной, его поэзию я бы назвала словом, переходящим в музыку». Не согласиться с этим просто невозможно. Более шестидесяти лет писатель прожил в одном из живописнейших уголков Усть-Донецкого района Ростовской области – на хуторе Пухляковском, расположенном на правом берегу Дона с его редкими, но до сих пор сохранившимися казачьими куренями. Когда спускаюсь вниз по серпантину дороги от автотрассы Шахты – Волгодонск, то дух захватывает от увиденной красоты: голубая лента Дона, выходя из-за острова Гостевого, своим очертанием напоминает шашку казака, радуют глаз ярко-красные пятна боярышника и шиповника, украшающие переливчатый ковыльный ландшафт, к которому Анатолий Вениаминович прикипел всей душой:

*Когда меня уже не будет,
И пеплом след мой занесёт,
Всё то же розовое чудо
Опять над островом всплывёт.
И, распахнув свои ресницы,
Такой прольёт на землю свет,
Что даже я в моей темнице
Поверю вдруг, что смерти нет.*

Калинин пишет такие стихи, что в душе он – необыкновенный романтик, не собери всё это Наталья и не принеси это в редакцию «Донской писатель»... И в этом он весь: талантливый, отзывчивый, равнодушный, не терпящий лжи, готовый всегда прийти на помощь, способный поддержать и словом, и делом. Думаю, самое время немного

Согласна, для писателя такого масштаба смерти, действительно, нет. Наследие, оставленное им, – уникально. Я счастлива, что имею возможность прикоснуться к его поэзии. Обратите внимание, насколько понятны и близки сердцу каждого человека, искренне любящего красоту и притягательность русского слова, следующие стихи автора:

*Кто-то о звёздах хлопочет,
Кто-то рвётся к кормилу,
А мне б долгожданную строчку
Найти под занавес, милые.
Кто-то у кассы – в очередь –
За бронью в вагон бессмертия,
А мне бы всего лишь строчку
Для полного счастья, поверьте.*

Кто бы мог подумать (за исключением родных и близких, конечно), что Анатолий

коснуться истории его становления как писателя, поэта, «мастера слова, переходящего в музыку».

Родился Анатолий Калинин в учительской семье в станице Каменской (ныне Каменск-Шахтинский) Ростовской области 22 августа (по новому стилю) 1916 г. Горячее, тревожное время оставило глубокий след в душе будущего писателя. В 1930 г. семья переезжает в Новочеркасск, с которым и связано становление его как журналиста и писателя. Редактировал газету «Пионер», печатался в «Пионерской правде», затем стал сотрудником газеты «Знамя коммуны». Как и полагается, талант юного журналиста заметили в Москве, пригласив работать в «Комсомольскую правду». Далее были Кабардино-Балкария, Украина и снова Дон. Перед войной выпустил свой первый роман «Курганы».

В 1941 – 1945 годы работал военным корреспондентом «Комсомольской правды», посылая в газету фронтовые очерки, зарисовки с полей сражений за Ростов-на-Дону, Моздок, Сталинград, с линии прорыва Миус-фронта и т. д. Писал о простых солдатах, в основном, о земляках-казаках 5-го Донского кавалерийского корпуса, с которыми прошагал победным маршем Украину, Молдавию, а также страны Восточной Европы вплоть до Австрии. Всё это время он не переставал писать и стихи. Остановимся на стихотворении «Баллада о верности». Проходя по освобождённым территориям, он был поражён бесчинствами, творимыми фашистами на оккупированной земле:

*... С плеча рубили кортиками мебель,
Топтали на пол брошенный портрет,
Потом высокий молодой фельдфебель
Пришёл к хозяйке в спальню на заре.
Над спящими левадами, над хутором,
Настороже, как будто бы в строю,
Стояла тишина... Но ранним утром
Предсмертный крик взметнулся на краю.*

Разве не знала обыкновенная русская женщина, мать, беззаветно любящая своего мужа-солдата, чем ей грозит отказ от притязаний. Но ненависть к подонку решила всё:

*В хозяйской спальне, подтекая лужей,
Лежал, зарезанный тупым ножом,
Простым железным кухонным оружием,
Охотник до солдатских русских жён.
И рядом в белом лунном освещении,
Как в белом покрывале под венцом,
Она стояла, словно в сновидении,
С простым и скорбным девичьим лицом.
Тяжёлые распущенные косы
На грудь спускались с обнажённых плеч.
Немецкий унтер, бросив папиросу,
Солдатам крикнул: «Запереть и сжечь!
Пусть сгорит живая со щенками!»*

Анатолий Калинин, несмотря на известность, был человеком скромным, не любил всё наносное, показное, бутафорское. Во время войны его пути не раз пересекались

с Константином Симоновым, однако посидеть за одним столом, да чтобы с глазу на глаз, так и не удалось. Цитирую отрывок из его посвящения Симонову:

*На званных пирушках, скорее, из робости,
А может, стыда, не присутствовал я,
Когда за столом, называя подробности,
Знакомством с тобой щеголяли друзья.
Не это мне нужно, не это мне дорого,
А то, что повеет с горячих страниц,
Как пушечным дымом
и снайперским порохом
В багровом огне сталинградских зарниц.*

После войны тогда ещё молодой писатель вместе со своей боевой подругой, соратницей, женой Александрой Юлиановной поселился на хуторе Пухляковском, упомянутом ранее, и прожил в нём до самой смерти:

*Без памяти, провинция,
Тебя я полюбил
С тех пор, как по станциям
Охлюпкой я пылил.
За россыпь многоцветную
Весёлых куреней
И щедрость многодетную
За золотом плетней;
За жизнь твою насытую
У мира на виду
С воротами, открытыми
На радость и беду.*

А какие тёплые, необыкновенно-трогательные стихи он посвятил своей жене Саше. Не каждому дано пронести и сохранить до конца своих дней чувство безграничной любви и уважения к женщине, матери собственных детей, «воплотившей в себе всех женщин, которых мечтал он любить»:

*Перед тем как в бессонное сердце
С дальним эхом войдёт острей,
Я хочу на тебя насмотреться,
Незакатное счастье моё.*

Как человек крайне неравнодушный, он не мог мириться с любой несправедливо-

стью. Болью в сердце отозвался в нём распад Советского Союза, а также «лихие», как сейчас принято называть, девяностые годы.

*На службе явно благородной,
Присяге верные, смотрите:
Стволы стальные в грудь народа
В азарте зла не наводите.*

Анатолий Вениаминович никогда не ловчил, не подстраивался, не менял своих убеждений, до последних дней был членом Коммунистической партии. На Дону он известен не только как писатель, но и общественный деятель. С 1966 по 1988 годы избирался депутатом Верховного Совета РСФСР четырёх созывов подряд, оставаясь при этом таким же равнодушным и близким к народу:

*Я знаю, мне завидуют друзья:
Я в их глазах вполне благополучен –
Заснят. Отретуширован. Озвучен.
А то, что я тревогою измучен,
Об этом должен знать один лишь я.*

Писателя волновали крушение идеологии, губительные реформы, проводимые в стране, бесхозяйственность человека, варварское отношение к природе, загрязнение окружающей среды и непосредственно связанное с этим исчезновение степной фауны. Какая боль сквозит в следующих стихах:

*Не видно над степью орлов,
Уже с высоты синеокой
Не падает царственный клёкот
В багровый шиповник яров.
...Один лишь, с тоскою во взоре,
Ещё сторожит свой курган
Над степью родною, но вскоре
И он улетит в Дагестан,
Чтоб впредь до скончания века,
Впиваясь в твердыню Казбека
Кровавою сталью когтей,
Судить торжество человека
Над матерью жизни своей.*

Трудно сказать, существует ли что-то на нашей земле, что не волновало бы Анато-

лия Вениаминовича. Однажды, будучи в автобусе, он стал свидетелем того, что никто не уступил места вошедшему инвалиду-фронтовику:

*Не вези меня дальше, водитель,
До конца моего пути!
Я такое сейчас увидел,
Что могу где угодно сойти.
Я могу и в степи с билетом
Выйти прямо в морозную ночь,
Потому что в автобусе этом
Оставаться мне больше невмочь.
Открывай поскорее дверцу,
А не то по твоей вине
Захлебнётся без воздуха сердце,
Как от раны сквозной на войне.*

Относясь очень требовательно и взыскательно к слову, хорошо зная классику мировой литературы, уважая культурное наследие страны, он не мог мириться с тем суррогатом, что подаётся народу со сцены, с экранов телевизора:

*Временички не чужды и поэзии,
Они, как мародёры на войне,
Сомнительной добычей не брезгуя,
Выходят на охоту при луне.
Они всего, всего они касаются,
И всюду, где ступает их нога,
Поруганные музы извиваются,
Раздетые публично донага.
...И публика, захлестнутая модой,
Грохочет в исступлении, пока
И радости, и горести народные
С эстрады продаются с молотка.*

Совершив небольшой экскурс в поэтический мир Анатолия Калинина, пришла к выводу: не писать он не мог. Да и стихи автора просто должны были увидеть свет. Можно ли удержать слова, идущие из самых затаённых глубин души?.. В подтверждение своих слов хочется привести отрывок из его стихотворения «Автопортрет»:

*Дар, быть может, не случайный,
Полный смеха и огня,*

*Ты напрасно сделал тайной
И стреножил, как коня.
Всё равно не скрыть от взоров,
Как из тонкой пряжи слов
Вяжет рифмы и узоры
Своевольное стило.*

Не могу сказать, что его поэзия ограничивается только лирическими стихами. Нет и ещё раз нет. В моей домашней библиотеке есть одна небольшая книжечка писателя «Однажды в разговоре...», подаренная мне дочерью писателя – Натальей Анатольевной 18 августа 2010 года. Короткая надпись «Татьяне Мажориной – от души» для меня очень дорога. В книге собраны эпиграммы, написанные им в разные годы по разным литературным и жизненным поводам. В неё также включены и фотографии из личного архива писателя.

Чаще других героем эпиграмм становился его друг Виталий Закруткин, зачастую он их даже заказывал на свои произведения. «Сам он эпиграмм не писал, но знал их великое множество, умел вспомнить к месту, а я потихоньку точил на него перо», – вспоминает Анатолий Калинин. Например, опубликует в «Правде» рассказ «Подсолнух» или очерк «Лик земли» – и сразу ждёт реакции друга. По сюжету очерка «Лик земли» автор на самолёте попадает в штопор и перед глазами в момент проносится вся жизнь. А вот что написал по этому поводу Анатолий Вениаминович:

*Ещё вираж – и он бы влип,
Но в этот самый – грозный – миг,
Когда в хаосе он метался,
Ему земля явила лик,
И он, бесспорно, жив остался.
О кочетовское вино,
Ещё не выпито оно,
Ещё и впредь из этих бочек
Я нацелю для «Правды» очерк,
А если будет в нём вода,*

*То это, право, не беда:
В степях Калмыкии моей
«Подсолнух» радуется ей.*

Приведу ещё один пример эпиграммы на другого донского писателя, Владимира Фоменко, чьё творчество Калинин очень любил, но никогда не прочь был подшутить над ним. Вот его реакция на роман Фоменко «Память земли» о Волго-Доне. Книга, кстати, была высоко оценена главным редактором «Нового мира» Александром Твардовским, тем не менее родилась эпиграмма:

*От «Памяти земли» без памяти хожу,
Из «Памяти земли»
На память я твержу,
И всё-таки, признаюсь, как ни странно,
Едва опять я в память прихожу,
Как, хоть убей, не знаю, не скажу,
Останется ли память от романа.*

Память от романа, разумеется, осталась, но затем и существует жанр эпиграммы, чтобы можно было посмеяться даже над тем, что любишь.

А закончить свои рассуждения о поэтической стороне творчества нашего великого земляка Анатолия Калинина хотелось бы словами его дочери Натальи: «Отец писал стихи каждый день и до последнего дня. Это была его исповедь. Перед Богом. Перед самим собой. Перед читателями». И потому как наказ всем нам, живущим на донской земле, звучат последние слова из стихотворения, с которого я и начинала, собственно говоря, знакомить читателей с лирической составляющей его души.

*Живи по совести и чести.
Служи без подлости и лести
И от Отчизны до конца.
Не отворачивай лица.*

Используемые материалы:

- «Есть слов простое сочетание...». «Донской писатель». Ростов-на-Дону. 2008.
«...Однажды в разговоре...». ООО «Издательство «Юг». Ростов-на-Дону. 2003.
«Пухляковский романтик». Долгополов С.А., управляющий этнографическим комплексом «Пухляковская казачья усадьба». E-mail: dsadon@mail.ru